

ароматов – это Aramis от Estee Lauder, Cool Water от Davidoff, Safari от Ralph Lauren и Lauder от Estee Lauder. Терминология современной отечественной парфюмерии, вслед за французской, ориентирована на родовую классификацию ароматов, которая со временем уточняется и совершенствуется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – С. 6.
2. Вайнштейн О. Семиотика Шанель № 5 // Ароматы и запахи в культуре. – Т. 2. – С. 361.
3. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИИФЛ Сборник статей по языковедению. – М., 1939. – Т. 5. – С. 6–8.
4. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М., 1993. – С. 33–51.
5. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А.Леканта. – М., 1991. – С. 34.
6. Прохорова В.Н. Лексико-семантическое образование русской терминологии. Дис. ... доктора филол. наук. – М., 1983. – С. 30, 34–35.
7. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. // Вопросы терминологии. – М., 1961. – С.

49, С. 52.

8. Рудницка Э. Вселенная духов // Ароматы и запахи в культуре. – М., 2003. – Т. 2. – С. 551.
9. Суперанская А.В. Терминология и номенклатура // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. I. – М., 1976. – С. 9. Шанск Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык I.1. – М., 1981. – С. 47.
10. Шелов С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы / к проблеме классификации специальной лексики // Вопросы языкознания, 1984. – С. 83.

E. Kolomiets

TO THE PROBLEM OF TERMINOLOGY IN RUSSIAN PERFUMERY. CLASSIFICATION OF PERFUME SMELLS

Abstract: This article consists of independently collected material and its classification made by leading European perfumers. The classification is based on a general term "perfume" and includes 14 names of this group.

Key words: citrus, flower, oriental, fresh, sweet, fruit, green, marine, spicy, ambergris, musky.

УДК 81'366.52

Мамечков С.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ*

Аннотация: Статья посвящена проблеме реализации семантики грамматической категории рода у неодушевленных существительных. В современных исследованиях по русской морфологии род признаётся категорией асемантической, с преимущественно структурной доминантой. В статье приводятся данные, позволяющие пересмотреть эти представления.

Ключевые слова: грамматическая категория рода, функционально-семантическое поле биологического пола, родовая грамматика, семантический потенциал рода.

В.В. Виноградов считал грамматический род наиболее характерным морфологическим признаком русских имен существительных [1: 58]. В последние десятилетия грамматическая категория рода в русском языке иногда трактуется как категория пре-

имущественно согласовательная, не обладающая семантическим потенциалом, достаточным для её включения в число категорий с содержательной доминантой [2: 184]; следовательно, субстантивный род при подобном подходе фактически приравнивается к так называемым «техническим» категориям с ослабленной номинативной семантикой, как род, число, падеж прилагательных, род и число глаголов [3: 44].

Логика такого решения понятна; она обусловлена не только тем, что из четырёх родовых категориальных форм, или грамматических родов (м.р., ж.р., ср.р. и введенный в 60-е гг. прошлого столетия «парный род», см. [4: 26–27]), характерных для русского существительного, только двум граммемам (м.р. и ж.р.), свойственным только в структуре парных по роду неодушевленных существительных типа *дедушка* – *бабушка*, *петух* – *курица*, соответствует номинативная грамматическая семантика.

* © Мамечков С.Г.

соответственно 'мужской биологический пол' и 'женский биологический пол'. Граммема ср.р. даже у одушевленных существительных (*дитя, насекомое*) признается обычно асемантической*. Особая проблема заключается в реализации грамматической семантики рода у неодушевленных существительных типа *стол, стена* и пр. (их, по данным А.А. Зализняка, 77,6% от общего состава субстантивных лексем [6: 145]). Родовая граммема подобных существительных в обычных речевых условиях не способна служить средством выражения семантики биологического пола. То же касается и одушевленных существительных, называющих детёнышей животных (*щенок, котёнок*), мелких животных (*колибри, овод*), названия подвидов и пород (*зверь, грызун, шниц*), которые не имеют родовых пар, так как пол называемого объекта здесь не важен [7: 518].

Из-за отсутствия полноценной семантической значимости родовой граммемы у подавляющего большинства русских существительных А.В. Бондарко отказывает субстантивной категории рода в праве формировать особое функционально-семантическое поле (ФСП). Следовательно, данная категория при таком подходе принципиально противопоставляется морфологическим категориям с семантической доминантой, каждая из которых является грамматическим центром соответствующего ФСП (ср. категорию времени и ФСП темпоральности, категорию вида и ФСП аспектуальности и т.д.) [8: 315-316].

Мы полагаем, что данный вопрос требует более детального обсуждения. Во-первых, нельзя упускать из виду, что субстантивная категория рода базируется на одной из важнейших семантических категорий человеческого языка – категории биологического пола. Семантика биологического пола находит выражение в самых различных языках мира. По мысли М.А. Кронгауза, можно говорить об универсальной семантической категории 'sexus', соотносящейся с естественной биологической характеристикой существ. «Пол, какжется, одна из немногих действительно важных для человека категорий, восприятие которой практически не зависит от языка и культуры» [9: 510-511]. Не случайно во мно-

гих языках (включая русский) семантической категории биологического пола соответствует грамматическая категория рода имён существительных.

Во-вторых, данная семантическая категория находит выражение в действительности не только в одушевленных существительных, о чем убедительно писали в свое время А.А. Потебня, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов и другие ученые, см. подробнее: [10: 58-70]. Как отмечал Р. Якобсон, «индивидуальная и коллективная фантазия буквально пропитана грамматическим родом» [11: 346]. По воспоминаниям Р.О. Якобсона, один русский художник, не зная, что соответствием русскому слову *грех* (м.р.) является немецкое слово *die Sünde* (ж.р.), никак не мог понять, почему его немецкий коллега аллегорически изображал грех в виде женщины. Соответствие формально-грамматического рода неодушевленных существительных вполне определенным «родовым» смыслам мы наблюдаем сплошь и рядом. Так, согласно русской примете, падение ножа за трапезой связано со скорым появлением мужчины, а падение вилки предвещает визит женщины [12: 346]. Это соответствие, отрицаемое некоторыми грамматистами, осознается даже детьми**.

В.В. Виноградов выделил два специфических типа речевых ситуаций, благоприятствующих актуализации номинативного потенциала таких существительных. Это (1) ситуация наречения имени (ср. неканонические мужские и женские имена послереволюционной эпохи: *Мир, Май, Пурпур* и *Эра, Искра, Заря*) и (2) ситуация олицетворения в поэтическом творчестве [14: 63-64].

В данной статье подробно рассмотрена вторая из указанных ситуаций, а именно ситуация олицетворения. Наша цель – доказать, что граммемы м.р. и ж.р. неодушевленных существительных типа *топор, река* и т.п. обладают вполне определённым семантическим потенциалом.

Структура речевой ситуации олицетворения (персонификации) предопределена тем, что олицетворение (от греч. *prósōpon* 'лицо' и *poiéo* 'делаю'), или, в иной терминологии, персонификация (от лат. *persona* 'лицо' и *fa-*

* Отношение в номинативной семантике граммем ср.р. (*солнце*) и «парного», по А.А. Зализняку, рода (*стол*) в данной статье специально не анализируется, и для этих граммем может ставиться вопрос об их способности к выражению тех или иных номинативных смыслов. См., в частности, обсуждение проблемы семантики граммемы ср.р. в (5: 79).

** Ср. наблюдения Н.А. Менчинской за речью своей пятилетней дочери. Менчинская называла неодушевленные существительные и просила дочку определить их системную родовую семантику, отграничив «девочек» от «мальчиков». Испытуемая девочка Наташа уверенно говорила: «Дом – мальчик, лампа – девочка, компот – мальчик, печка – девочка <...> шоколад – мальчик, шоколадка – девочка» (13: 368).

сio 'делаю'), представляет собой вид метафоры, связанный с перенесением человеческих черт (шире – черт живого существа) на неодушевленные предметы и явления.

Олицетворение активно используется в народной поэзии и в художественной литературе (прежде всего в лирике) как метафора, близкая по своей роли к психологическому параллелизму: реалии неживой природы, привлекаемые к соучастию в душевной жизни героя, наделяются признаками человекоподобия. Для целей нашего исследования важно отметить, что, начиная с древнейших зафиксированных примеров олицетворения, персонифицируемый объект неживой природы приобретает не просто свойства лица, но непременно лица вполне определенного биологического пола. Благодаря олицетворению открываются истинное "лицо" и душевные движения человека, причем не только в поэтическом творчестве, но и, как было показано выше, в обыденной выразительной речи. Некоторые ученые (в частности, А. И. Белецкий) говорят даже об особом "инстинкте персонификации в живых языках" [15: 259].

Ситуация олицетворения обычно рассматривается с точки зрения поэтики художественного творчества. Между тем лингвистический анализ этой ситуации позволяет получить новые данные, имеющие значение для уяснения закономерностей функционирования грамматических категорий, в частности категории рода.

С лингвистической точки зрения высказывание, реализующее ситуацию персонификации, содержит следующие компоненты: а) существительное, обозначающее персонифицируемую реалию; б) существительное или предметно-личное местоимение, обозначающее лицо, являющееся объектом персонификационного сопоставления (этот компонент может быть представлен эксплицитно или имплицитно); в) дополнительные контекстные показатели персонификации. Роль последних особенно велика, если в высказывании отсутствует имя одушевленного объекта сопоставления, как в приводимом ниже фрагменте, где *дуб* предстаёт в качестве живого существа мужского пола, которое наделено способностью видеть, слышать, чувствовать своё одиночество и отчуждённость: *На краю дороги стоял дуб. Вероятно в десять раз старше берёз, составлявших лес, он был в десять раз толще и в два раза выше каждой берёзы. Это был огромный, в два обхвата дуб, заросший старыми болячками. С огромными своими неуклюжими, несимметрично-расто-*

пыренными, корявыми руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися берёзами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца (Л. Толстой. Война и мир. Т.2)*.

Опорным для всех подобных высказываний является существительное – имя персонифицируемого неодушевленного объекта. Оно содержит основу как показатель лексического значения и флексию – показатель грамматического значения слова. Оба ли указанных компонента существительного важны для персонификации?

Мы полагаем, что лексическая семантика опорного слова, выражаемая его основой, не является фактором олицетворения. Как показывает изученный нами языковой материал, ключевые слова могут иметь самую разную семантику – как конкретно-предметную (*дуб, река, земля, топор, верёвка, папироса*), так и отвлеченную (*вечность, разлука, свобода*), иногда встречаются имена собирательные (*пехота, пшеница, интеллигенция*) и вещественные (*снег, роса, водка, слякоть, лёд*). Следовательно, единственным признаком существительного, способствующим олицетворению, является семантика окончания, а именно выражаемые окончанием значение неодушевленности и рода.

Можно утверждать, что только наличие граммы м.р. или ж.р. в семантической структуре неодушевленного существительного позволяет достоверно прогнозировать реализацию ситуации олицетворения с однозначно предсказуемым результатом: существительное мужского рода будет в соответствующем высказывании выражать лицо мужского биологического пола, а существительное женского рода – лицо женского биологического пола: *Куды, куды, детинушка? / Не торопись уж очень-то! / Ты след-зовёт-тропиночка, / Большой дорожки доченька* (М. Цветаева. Егорюшка); *Лес! Ты нынче – наездник!* (М. Цветаева. Беглецы? – Вестовые?...); *Прячется карлица-мгла / Ты за ивняк, то за кочку* (Н. Клюев).

Рассмотрим более детально примеры проявления семантических возможностей родовых граммем неодушевленных существительных мужского и женского рода в ситуации олицетворения.

* В рассматриваемых нами примерах имя персонифицируемой реалии выделено *полу жирным шрифтом и подчеркиванием*, имя одушевленного объекта сопоставления – *полу жирным шрифтом*, а дополнительные контекстные показатели персонификации – *подчеркиванием*.

В ситуации олицетворения неодушевлённое существительное, обозначающее неживой объект, становится средством передачи семантики живого существа (обычно лица) мужского/женского пола. Это подчеркивается приписыванием денотату типично личных мужских или женских свойств:

1) имени: Нева Петровна, возле вас – всё львы (Б. Окуджава. Нева Петровна...); Ты ныне зовёшься Мариной, – разлука! (М. Цветаева. Я вижу тебя черноокой, – разлука!..);

2) определённого возраста: На камне могильном старуха-свобода / из саванов вяжет крошечные сети (Н. Клюев. Поле, усеянное костями); Дева осень вышла из рая (Б. Поплавский. Дух воздуха);

3) характерных для лица внешних признаков: Молодость! / Простимся накануне. / Постоим с тобою на ветру. / Смуглая моя! / Утешь сестру! (М. Цветаева. Скоро уж из ласточек – в колдуньи!...); Еду я на родину, / Пусть кричат: «уродина», / А она мне нравится, / Спящая красавица... (Ю. Шевчук. Родина);

4) черт характера: Теперь кокетка мысль старухой стала (Е. Евтушенко. Голубь в Сантьяго);

5) особенностей типично мужского/женского поведения: – Ветер, голову теряющий / От юбочки кружевой! (М. Цветаева. Ветер, ветер выметающий...); Не подсказала б та беда, / Что бабьим воем выла, / Не знала б, может, никогда, / Что до смерти любила (А. Твардовский. Василий Тёркин).

6) социального статуса: Торговля – чёрная рабыня / в гареме пролетариата (Н. Эрдман. Самоубийца); Мы, сильные, свергаем власть рабыни, / Свергаем – Красоту (З. Гиппиус. Довольно); Ваше благородие гос-пока Удача... (Б. Окуджава);

7) профессии: Где отступается Любимь, / Там подступает Смерть-садовница (М. Цветаева. Вчера ещё в глаза глядел...); Странный сон увидел я сегодня: / Снилось мне, что я сверкал на небе. / Но что жизнь, садовническая сводня, / Выкинула мне недобрый жребий (Н. Гумилёв. Странный сон увидел я сегодня);

8) определённых отношений с другими лицами: Навеки непробудной тенью / Ресницы мхов опущены, / Спят, убаюканные / Людской врагины – тишины! (А. Блок. Задебранные лесом кручи...); Русский язык – отец всех языков (<http://mk-piter.ru/2007/01/17/020/>); Сестра моя жизнь (Б. Пастернак);

9) титула или звания: Смирненно прекло-

нясь челом, / Горит алмазами пшеница, / Как новобрачная царица / Перед державным женихом (А. Фет. Утро в степи); И принц Каиштан с бутылкой меди // Проходим не подаст руки (А. Гуницкий. Корпоративная эпоха);;

10) национальности: Стрясается – в дом забредёшь желтоглазой / Цыганкой, – разлука! – молдаванкой, – разлука! (М. Цветаева. Я вижу тебя черноокой, – разлука!..);

Особый случай составляют примеры, когда неодушевлённое существительное в ситуации олицетворения участвует в сравнении неодушевленного объекта не с лицом, а с животным. Но в подобных примерах сравнение идет с существом вполне определенного пола, мотивированного грамматическим родом: Дремлет Москва, словно самка / спящего страуса, / Грязные крылья по тёмной почве / раскинуты, / Кругло-тяжёлые веки безжизненно / сдвинуты, / Тянется шея – / беззвучная, чёрная Яуза (В. Брюсов. Ночью); Привычка и Отвычка, – кошечки... (З. Гиппиус. С варевом); Между берегом буйного Красного моря / И суданским таинственным лесом видна, / Разметавшись среди четырёх плоскогорий, / С отдыхающей львицей схожа, страна (Н. Гумилёв. Абиссиния).

Реализация семантического потенциала неодушевлённых существительных в ситуации олицетворения происходит не всегда осознанно, т.е. в соответствии с волей автора, порой автор может даже не желать этого, но язык диктует своё, поскольку род в русском языке – обязательная категория существительного. Как только в тексте обнаруживается олицетворение, неминуемо происходит отнесение денотата олицетворяемого существительного к мужскому либо женскому полу. Попытки невольного отступления от этой языковой закономерности обычно бывают воспринимаются как неудачные: Отцом же была мне судьбина (Лермонтов. Мать моя – злая кручина...); Если теория алгоритмов – в некотором смысле мать современного компьютера и программирования, то логика – их отец (<http://omsk.edu.ru/scho-ols/sch099/s99/logika/op.htm>).

С другой стороны, в некоторых случаях автор сознательно идёт на нарушение соответствия между родом неодушевлённого существительного и полом соотносимого с ним лица. Но при этом ощутимо, что поэт, наделённый обострённым восприятием мира, прекрасно чувствует семантику слов, исключение в данном случае скорее подтверждает правило, несоответствие обычно специально

оговаривается автором: *Да нет, да нет, – в таком году / Сама Любовь – не женщина! / Сама Венера, взяв топор, / Громит в щепы подвал* (М. Цветаева. Поцеловала в голову...); *Придёт к тебе Загиб Иванович – и всё! Смерть тут мужского пола, а зовут её по имени-отчеству, как нарядчика** (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей). Тот факт, что язык навязывает свои законы и накладывает свои ограничения, приводит зачастую к появлению комической нотки при нарушении соответствия, о котором идёт речь: *– Ей бы хотелось, чтобы я постоянно улыбался и порхал как бабочка. Но мужчине всегда есть из-за чего переживать и тревожиться, а мне в особенности...* (Л.Т. Мид и Роберт Юстас. Арест капитана Ванделера. Пер. А. Родионовой); это сознательное речевое нарушение всегда ощущается носителями языка: *«Первопрестольный град Москва, Новый Иерусалим, приемлет Христа своего» – вдруг ударил он на слове своего, – «яко мать во объятия усердных сынов своих...»* (Толстой. Война и мир. Т. 3-4).

Таким образом, в результате проведённого нами анализа можно сделать следующие выводы. Регулярно реализуемая способность любого неодушевленного существительного мужского и женского рода выражать в случае необходимости семантику биологического пола служит неоспоримым аргументом в пользу высказанного ранее утверждения: *«...Нельзя сказать, что у неодушевленных существительных показатели рода в принципе незначимы – можно говорить лишь о временном «зачеркивании» грамматических значений под влиянием значения основы»* [16: 524].

Наш материал показывает, что, вопреки бытующему мнению, граммы м.р. и ж.р. никогда не бывают пустыми, они системно сохраняют свое категориальное значение даже в том случае, если выражены неодушевленными существительными. В стандартном контексте по понятным причинам семантический потенциал родовой граммы не используется, он «зачеркивается» лексической семантикой основы, несовместимой с идеей биологического пола. Но в особых контекстных условиях, например в высказываниях, выражающих ситуацию олицетворения (персонификации), номинативная семантика биологического пола по

мере необходимости регулярно и недвусмысленно реализуется и у неодушевленных существительных.

Таким образом, можно говорить, что грамматическая категория рода не является «технической», исключительно согласовательной; на уровне противопоставления граммем м.р. и ж.р. это полноценная категория семантика которой однозначно и недвусмысленно выражается в определённых речевых ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.; Л., 1947.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л., 1976.
3. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. – М., 2005.
4. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение // А.А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языковедению. – М., 2002.
5. Панова Г.И. Современный русский язык. Морфология. Словарь-справочник. – Абакан, 2003.
6. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. – М., 2002.
7. Кронгауз М.А. Sexus, или проблема пола // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. – М., 1996.
8. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002.
9. Кронгауз М.А. Sexus, или проблема пола // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. – М., 1996.
10. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.; Л., 1947.
11. Jakobson P.O. Избранные работы. – М., 1985.
12. Jakobson P.O. Novejšaja russkaja poezija / R. Jakobson. Selected Writings. – The Hague, 1971. Vol. V; P. Jakobson. Работы по поэтике. М., 1987.
13. Менчинская Н.А. Психологическое развитие ребёнка от рождения до 10 лет. – М., 1999.
14. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.; Л., 1947.
15. ЛЭС – Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987.
16. Клобуков Е.В. Морфология // Русский язык. Под ред. Л.Л. Касаткина. – М., 2004.

S. Mamechkov

THE PECULIARITIES OF THE REALIZATION OF THE SEMANTIC POTENTIAL OF GENDER AS A GRAMMATICAL CATEGORY OF RUSSIAN NOUNS

Abstract: This article deals with the problem of the realization of the semantics of gender grammatical category of inanimate nouns. In recent studies concerning Russian morphology

* В сообществе заключенных и надзирателей, где мужчины не видят женщин в течение многих лет, даже *смерть* представляется как существо мужского пола.